

Ночь выдалась тихой, сотканной из мягкого лунного света и мерного стрекота сверчков, который вовсе не нарушал покой, а словно укачивал весь мир. Но в маленьком дворике двое так и не смогли уснуть.

Мучительная духота заставляла метаться с боку на бок. Стоило смежить веки, как в голову незванным роем лезли смутные, беспокойные мысли, выстроить которые в стройный ряд никак не удавалось. Сердце подступало к самому горлу, сжимая грудь тоскливой тяжестью.

Тун Хуайцин переносил это спокойнее: он сидел на кровати, оцепенело теребя уголок плюшевого кролика. Игрушка служила ему слишком долго, и он не смел тянуть сильнее, лишь бессознательно перебирал потёртую ткань пальцами.

Чи Е же не выдержал — поднялся и отправился окатывать себя ледяной водой. Чтобы не разбудить Хуайцина, он крадучись пробрался в дворовую душевую и лил на себя воду из таза, не смыкая глаз.

Зажмуриться было страшно. Стоило закрыть глаза, как перед взором со всей отчётливостью вставал изгиб узкой талии с едва заметной, соблазнительной складочкой кожи.

Плеск!

Ещё таз холодной воды. Смыв наваждение, Чи Е утёрся ладонями и наконец с чистой совестью вернулся в комнату.

На следующее утро с завтраком особо не мудрили. Чэнь Сяньян к еде был неприхотлив, а Чи Ино уплетала за обе щёки всё подряд — даже слегка пригоревшая яичница с хрустящими корочками показалась ей объедением. Вот только старшие братья выглядели подозрительно мятыми, с тёмными кругами под глазами.

На загорелом лице Чи Е усталость заметить было труднее. А вот у светлогожего Тун Хуайцина с его тонкими веками синева под глазами сразу бросалась в глаза.

— Вы что, не спали? — Чэнь Сяньян склонил голову набок. — Выглядите... совсем вялыми.

— Спал, — не моргнув глазом, ответил Чи Е.

— Вовсе нет, — даже не подняв век, бросил Тун Хуайцин.

Чи Ино упёрлась ручонками в стол, и перламутровый браслет из ракушек на её запястье весело зазвенел:

— А я выпалась просто отлично! Мне даже снилось, будто я летаю!

Чи Е протянул руку и слегка треснул её по щёчке:

— Молодец. Растёшь, значит.

Хотя он едва прикоснулся, Ино всё равно скривилась и отшатнулась:

— Больно же!

Девчушка продолжала бубнить и жаловаться на «жестокого» брата вплоть до самого выхода из дома.

Вчерашнее звёздное небо не обмануло: день выдался ясным, без единого облачка на лазурном небосводе, а вдоль улиц разливался густой, сладковатый аромат цветущего османтуса.

Дверь снаружи захлопнулась. Провожать детей не требовалось — Чэнь Сяньян проследил, как младшая вбежала во двор школы, и только после этого сам направился в корпус средней школы.

Во дворе воцарилась тишина.

Чи Е тихо кашлянул, переводя взгляд на понурого Тун Хуайцина:

— Может, вернёшься в комнату, придавишь массу?

Тун Хуайцин смутился и не сразу ответил:

— А ты?

— Я в мастерскую, — Чи Е уже переоделся. — Ложись, поспи нормально.

Он боялся помешать. Смена сезонов, да и сам Хуайцин выглядел хрупким, болезненным — если ночью мучила бессонница, лучше оставить его в покое и дать отдохнуть в полной тишине.

Тун Хуайцин опустил голову и тихо откликнулся:

— Угу.

Перед уходом Чи Е выудил и очистил для него крупный гранат. Причём даже без ножа: сжал плод ладонями с какой-то особой ловкостью, и спелая кожура с треском лопнула, обнажив рубиновую россыпь сочных, блестящих зёрен.

Спать Тун Хуайцин так и не лёг. Тело ломило от усталости, но в душе бушевало непонятное возбуждение. Он просидел всё утро, неспешно выковыривая и отправляя в рот по одному зёрнышку.

Перекусив в полдень, Чи Е снова ушёл, отказавшись от дневного сна. Однако минут через десять вернулся и положил на журнальный столик пакет со спелыми, ярко-жёлтыми хурминками.

— Бабушка из соседнего двора угостила, собственная хурма, — непринуждённо пояснил Чи Е.
— Я пощупал — мягкая, можно сразу есть.

Тун Хуайцин, сидевший возле куста китайских роз, улыбнулся:

— У вас тут... каких только фруктовых деревьев нет.

— Это да. Может, на вкус они не такие идеальные, как отборные из магазина, зато созрели на ветках, в своё время. Очень сладкие.

Одна хурминка соскользнула со стола и покатилась вниз. Чи Е, даже не глядя, на лету подхватил её широкой ладонью:

— Ну, я пошёл.

С этими словами он развернулся и вышел.

Во дворе вновь стало тихо. Тун Хуайцин не прикоснулся к хурме — уткнулся лицом в ладони и глубоко, перебоями задышал.

Осень в маленьком городке не веяла увяданием — напротив, она дышала радостью щедрого урожая, уютным и глубоким теплом. И красками, и температурой она напоминала весну: деревья вдоль дорог либо всё ещё цвели, либо ломились от плодов.

Пожалуй, самым безделушным человеком во всём мире сейчас был именно он, Тун Хуайцин.

Зажав в ладонях пару хурминок, он растянул их поедание почти на весь остаток дня. Посередине дня зазвонил домашний телефон. Чи Е дома не было, и после второго звонка Тун Хуайцин снял трубку. Звонила молодая учительница Янь Сяохуэй — спросила, удобно ли зайти вечером, чтобы выразить благодарность.

Тун Хуайцин ответил, что спросит у Чи Е.

Лишь когда закат окрасил западную часть неба в багрянец, Чи Е вернулся домой. Видно было, что он пахал весь день без отдыха: от него пахло потом и еле уловимым машинным маслом.

— Как поспал в обед? — с ходу озабоченно спросил он.

Тун Хуайцин с улыбкой кивнул:

— Отлично.

— Вот и ладненько, — Чи Е одним движением сбросил куртку. — Пойду ополоснусь.

Чистюля, надо же.

Вышел он с мокрыми ресницами и свежим запахом мыла. Подойдя к Тун Хуайцину, он резко вытянул перед собой обе руки:

— Угадай, в какой руке сюрприз?

... В подобные игры Тун Хуайцин перестал играть ещё в третьем классе. Впрочем, учитывая, что Чи Е растит детей, детской непосредственности ему было не занимать.

— В левой, — без особого энтузиазма ткнул Тун Хуайцин в натянутое тыльное ребро кулака. — Что там спрятал? Монетку?

Кулак перевернулся, покрытые мозолями пальцы разжались, и на широкой ладони обнаружился пушистый одуванчик.

Ладонь у Чи Е была действительно огромной. Сложенные лодочкой пальцы уберегли хрупкий цветок — тот остался совершенно невредимым. Белый, круглый, невесомый шарик казался невероятно трогательным и нежным.

Чи Е осторожно взял одуванчик за стебелёк и поднёс ближе:

— На, дунь.

Тун Хуайцин отступил на шаг. Лицо его оставалось непроницаемым.

Чи Е немного занервничал:

— Не нравится? Или аллергия? Ничего... у меня ещё есть.

Тун Хуайцин чуть надул щёки:

— Ф-ф-ф...

Он серьёзно и сосредоточенно дунул. Лёгкий зонтичный пух тут же разлетелся в стороны, подхваченный ветерком, и сгинул в воздухе.

Возможно, один из парашютиков задел ветку груши во дворе, потому что один из зелёных плодов тихонько сорвался и упал на мягкую землю, вспугнув крошечного муравья.

Чи Е усмехнулся:

— Умница.

Затем разжал правую руку — там тоже что-то лежало. Крошечный светло-фиолетовый цветок.

Тун Хуайцин поднял глаза:

— Это мне?

— Угу.

— Показалось, ты каким-то смурным ходил, — честно и напрямую признался Чи Е. — На душе получше стало?

В его угольно-чёрных зрачках отражался лишь крошечный, чистый силуэт Хуайцина.

Тун Хуайцин невольно спрятал руки за спину и потирал большим пальцем ладонь:

— С чего бы это? — Он отвернулся. — Что за нежности...

Кто бы мог подумать, что наступит день, когда Тун Хуайцин назовёт кого-то чувствительным и сентиментальным. Но атмосфера действительно стала настолько неловкой, что сердце сжалось от странной, щемящей тоски.

Чи Е смотрел на него прямо:

— Не жги себя изнутри. Хочешь делать — делай. Не хочешь — не надо, — продолжал он, не сводя глаз с его опущенных век. — Жизнь — это не непрерывный подъём в гору. Устал — приляг, отдохни. Если кажется, что вид вокруг неплох, задержись подольше.

Голос его звучал ровно, но в горле пересохло. Чи Е нервничал.

Он лукавил. Поддался эгоистичному порыву — хотел распахнуть объятия и удержать Тун Хуайцина здесь, в этом городке, где растёт столько плодовых деревьев, где чётко сменяются времена года, а климат настолько благодатный, что даже привезённые из-за границы культуры быстро пускают глубокие корни.

Захочет ли Тун Хуайцин остаться здесь навсегда?

Хуайцин будто избегал этой темы. Чи Е готов был носить его на руках как зеницу ока, но ведь Тун Хуайцин даже тёплых вещей с собой толком не взял. Насколько он вообще планировал задержаться? Чи Е почти ничего не знал о его прошлом. В тот день в интернет-кафе он лишь мельком глянул страницу и тут же закрыл её.

Он дважды подбирал его у реки, а потом забрал со станции как бедного, ограбленного бродяжку. Жар спал, капельницы закончились, а крепкое домашнее вино было недостаточно хмельным, чтобы вечно держать человека в дурмане. Стоило лишь на миг ослабить хватку, как в глазах Хуайцина вновь проступала чужая, нездешняя отстранённость.

Сегодня днём Чи Е чуть не заехал себе молотком по пальцам. Завитал в облаках — так ему и надо.

Тун Хуайцин вскинул на него взгляд:

— С чего ты взял, что мне плохо? Не выдумывай.

Просто хурма оказалась слишком вяжущей.

Соседи постепенно возвращались с работы, где-то вдалеке ковала кукушка. Фиолетовый бутон всё так же лежал на широкой ладони Чи Е.

Тун Хуайцин не успел протянуть руку, как калитка со скрипом распахнулась. Чэнь Сяньян высунул мордашку и смущённо крикнул:

— Братик, там моя учительница идёт!

Мальчишка прибежал заранее, чтобы предупредить старшего брата.

Тун Хуайцин опешил и лишь сейчас вспомнил, что забыл сказать Чи Е про звонок. Он поднял глаза: Чи Е с заведёнными за спину руками молча смотрел на него.

— Ноно ведёт её, они уже почти у ворот! — добавил Сянъян.

Это же не плановый визит к родителям, к чему такая суматоха? Впрочем, Чи Е любил порядок, в доме всегда было чисто, так что перед гостями краснеть не пришлось бы. На кухне всегда стоял горячий чайник, в вазе лежали бананы и виноград. Чи Е быстро снял с бельевой верёвки пару сушившихся полотенец, а когда вернулся, Чи Ино уже привела гостью.

Янь Сяохуэй с коробкой молока и подарочным набором орехов в руках стояла у порога и улыбалась:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, учительница Янь, — Чи Е забрал у неё коробки.

— Зашла поблагодарить вас, простите за беспокойство, — Янь Сяохуэй всё ещё мешкала на пороге. С её яркой, стильной внешностью в духе гонконгских красоток контрастировал стеснительный взгляд. Она преподавала английский, была образованной девушкой, носила модную импортную сумочку, в которой, правда, лежали самые обычные ручки со сменными стержнями.

Славная, очень хорошая девушка.

— Хорошо, что я всё-таки заявила в полицию, — тихо и смущённо проговорила Янь Сяохуэй. — И вам спасибо, что расспросили его получше... Ничего себе, не зря он ко мне цеплялся!

Мерзавцы редко бывают чисты хоть в чём-то. Как и следовало ожидать, за тем типом числились грешки: мошенничество, жизнь по чужим документам. Он подстерегал именно таких приличных женщин, рассчитывая, что они побоятся поднимать шум из-за своей работы и репутации.

Особенно таких красивых, как Янь Сяохуэй. Из страха перед сплетнями она молчала, терпела обиды, даже уехала из родных мест — и всё равно оказалась загнанной в угол по дороге с работы.

Когда она наконец решилась наказать мерзавца, выяснилось, что избавиться от него проще простого.

В участке, куда Чи Е и Тун Хуайцин привели того типа, как раз дежурил полицейский из другого города. Он с ходу опознал беглого афериста.

Учительница Янь оценила помощь и уже на следующий день пришла с подарками.

— Спасибо вам огромное, брат Чи, — она поправила прядь волос. — Правда, не знаю, что бы я без вас делала...

Чи Е без особых эмоций ответил: «Не за что», а сам незаметно косился на Тун Хуайцина. Тот стоял под навесом и наливал из чайника тёплый настой из сушёных сочных унаби.

— Учительница Янь! — вмешалась болтливая Чи Ино. — А у вас сейчас есть парень... Ай!

Чэнь Сянъян вовремя больно щипнул её сзади.

Янь Сяохуэй смущённо качнула головой и отвела взгляд в сторону двора.

Чи Е откашлялся:

— Учительница, может, останетесь на ужин?

Приглашение звучало исключительно из вежливости. Но Янь Сяохуэй неожиданно легко согласилась:

— С удовольствием!

Чи Е смутился и снова бросил быстрый взгляд на Тун Хуайцина. Тот уже поставил чашку и с улыбкой повернулся:

— Учительница Янь, выпейте пока...

Но Янь Сяохуэй будто услышала какой-то шум снаружи, резко обернулась и замахала рукой:

— Дядюшка, сюда!

Улочка была узкой, старой, заросшей кустарником. На перекрёстке с трудом припарковался представительский «Мерседес». Не успел двигатель заглухнуть, как дверца распахнулась, и из машины выскочил мужчина в строгом костюме. Он в спешке бросился к двору.

Янь Сяохуэй смущённо пояснила:

— Это мой дядя, Янь Шу. Он услышал, что вы мне помогли, и непременно захотел... Ой?

Мужчина уже проскочил мимо неё и устремился напрямик во двор.

Тун Хуайцин ошеломлённо замер. В следующее мгновение Чи Е цапнул визитёра за плечо и хмуро бросил:

— Мужик, ты чего?

Янь Шу отлетел назад, но на его лице не было и тени обиды — лишь возбуждённый румянец. Напomaженные волосы взъерошились, рубашка помялась. Он вытянул руку с тремя массивными золотыми перстнями, голос его дрожал:

— Учитель Тун!..

Тун Хуайцин не шелохнулся.

Чи Е тут же оттянул назойливого гостя ещё на пару шагов назад.

Янь Сяохуэй окончательно растерялась:

— Дядюшка, ты чего?!

— Это же Тун Хуайцин! — Янь Шу, тяжело дыша, не сводил глаз с Хуайцина. — Я... я ваш поклонник! Я так давно восхищаюсь вашим талантом!..

Чи Е сжал его плечо сильнее. Невольно, от избытка чувств.

Бедолага едва не задохнулся от неожиданной хватки. Тун Хуайцин сделал шаг вперёд и спокойно сказал:

— Здравствуйте.

Янь Шу закивал:

— Кхм... Здравствуйте!

— Отпусти его, — улыбнулся Тун Хуайцин Чи Е. — Смотри, человеку аж дышать нечем.

Чи Е с мрачной миной разжал пальцы. Потом повернулся к детям:

— Марш в дом, делать уроки.

Тон его был будничным, но Янь Шу всё равно вздрогнул. Ранее он в азарте не разглядел, кто его удерживает, а теперь взглянул — батюшки, на него свирепо уставился настоящий верзила.

— Учитель Тун, — переводя дыхание и не смея подойти ближе, пробормотал Янь Шу. — Это правда вы?

— Да.

Тун Хуайцин повернулся за чашкой:

— Чай будете?

Янь Шу порывался рвануть вперёд:

— Я сам, сам! Как я могу заставлять Учителя Туна...

Договорить он не успел — едва не уткнулся носом в мощную грудь Чи Е.

Янь Сяохуэй сжалась от испуга:

— Простите, пожалуйста, я сейчас сама...

— Не надо, — Чи Е заслонил стол и забрал чайник. — Я подогрею на кухне. Учительница, садитесь. Тунтун, пообщайтесь пока.

Он ровным шагом ушёл на кухню, прикрыл за собой дверь, вылил остывший навар в ковшик и зажёл синий огонёк конфорки.

Опёршись руками о кухонный шкаф, Чи Е застыл, так и не повернув головы.

А в гостиной Тун Хуайцин ненадолго задумался.

Янь Сяохуэй смущённо дёргала дядю за рукав, но Янь Шу подался вперёд, направляя носки отполированных туфель на Тун Хуайцина, и чуть не плача выложил:

— Учитель Тун, когда вы возвращаетесь? Когда... когда мы снова сможем услышать вашу игру?

Тун Хуайцин пропустил эти слова мимо ушей.

Дети уселись на табуреточки напротив взрослых и шушукались, болтая ногами.

— Видел лицо брата? — шепнул Сянъян.

— Ага, темнее тучи, — прохихикала Чи Ино.

Странно: восторженные излияния Янь Шу пролетали мимо ушей, а вот детское шептание слышалось отчётливо.

—... Учитель Тун, я ведь слышал о вашей ситуации, — продолжал Янь Шу. — В конце концов, вы же не домашний питомец. Зачем вам ютиться здесь? У меня в городе отличные отели, выбирайте любой, все со звёздами! Не подумайте ничего плохого, я просто давний поклонник вашего искусства...

Захотелось пить.

Настой из унаби всё ещё не согрелся?

— Учитель Тун?

Тун Хуайцин очнулся и встретил горящий надеждой взгляд Янь Шу и виноватое лицо Янь Сяохуэй.

— Извините, — он с мягкой улыбкой поднялся. — Вам пора. Нам ужинать пора.

Шума в гостиной Чи Е так и не услышал. Беспорядок в голове — дурная привычка: из-за этого можно и молотком по пальцу съездить, и сжечь сладкий навар дотла.

Глядя на обуглившиеся края ковшика, Чи Е досадовал на себя.

Ладно, нальёт обычного чаю — и так сойдёт.

Он развернулся и едва не столкнулся с Тун Хуайцином, который бесшумно вырос за его спиной. На лице у того застыло брезгливое выражение.

Чи Е сплеховал:

— Ты когда подошёл?

— Ты воду сжёг, — констатировал Тун Хуайцин.

—... Эх, — вздохнул Чи Е, открывая кран, чтобы отмыть посуду. — Оплошал. Там в термосе есть кипяток, я сейчас...

— Они уже ушли, — вскользь заметил Тун Хуайцин. — Не суетись.

Чи Е удивленно обернулся:

— Ушли? А я даже выпроводить не успел.

— И не надо.

Тун Хуайцин протянул к нему ладонь:

— Где мой цветок?

Тот тип величался сомнительной вежливостью, к чему рассыпаться в реверансах? Перебитый подарок куда важнее.

Цветок-то был симпатичный, нежно-фиолетовый. Тун Хуайцин даже толком разглядеть его не успел, как Чи Е спрятал бутон. Куда девал? Не выбросил же?

Заметив остекленевший взгляд Чи Е, Тун Хуайцин слегка прищурился.

— На книжном шкафу лежит, — вспомнил Чи Е. — Сейчас принесу.

— Не выбросил?

— С чего бы? — буркнул Чи Е. — Я скорее домашку Чи Ино выброшу, чем твой цветок.

Шутка выпирала неуклюжестью.

Тун Хуайцин посмотрел на него и сухо уронил: «Спасибо». А затем добавил:

— А ты какой подарок хочешь?

Раз уж сегодня даже этот здоровый мужик раскис и ушёл в чувствительность, почему бы не поддержать тон? Тун Хуайцин даром подарки не принимал. Он чуть изогнул губы в улыбке:

— Или мне самому выбрать?

На кухне всё ещё пахло пригоревшими финиками, перемешанными со сладким ароматом. Огонь горел слишком долго, и в воздухе стоял сухой зной.

Чи Е задумался по-настоящему. Не стал отмахиваться, а честно замер в предвкушении. Подарок... хотелось чего-то, связанного с ним.

Плюшевую игрушку вроде кролика. Чтобы трогать мягкий мех и, может быть, послушать истории о его прошлом, о причинах бессонницы.

А то в прошлый раз он рассказал лишь про свои затаённые обиды.

— Я придумал, — осторожно выговорил Чи Е. — Я люблю... мягкие вещи.

Стыдоба. Не решился сказать прямо, что хочет мягкую игрушку.

Тун Хуайцин оторопел, а потом негромко рассмеялся.

Чи Е спешно добавил:

— Их легко купить! Если будет время, можем вместе сходить присмотреть.

Заодно и свидание выйдет.

Но Тун Хуайцин уже опустил голову. С этого ракурса его длинные, изогнутые ресницы казались пушистыми и мягкими.

— Проще простого. У меня как раз очень мягкие волосы, — раздался тихий, лукавый смешок. — Погладь.

Он давно не стригся, чёлка немного закрывала глаза и рассыпалась от малейшего дуновения.

Вид у Чи Е был не из лучших — ладно уж, пусть погладит по голове, развлечётся немного.

... Почему же он не шевелится?

Тун Хуайцин удивлённо поднял голову и увидел, что Чи Е застыл точно истукан.

— Ты чего?

Чи Е будто отбросило волной: он резко отшатнулся назад и заикаясь выпалил:

— П-пожалуйста, не говорите таких вещей!

Развернувшись, он выскочил с кухни, точно за ним гнались черти.

Тун Хуайцин онемел от изумления. Он похлопал глазами, а потом озадаченно почесал щёку.

Да что он такого сказал-то? Надо же, этот дуболом даже на «вы» перешёл!

<http://bllate.org/book/19966/1985914>